

КРАТКИЙ ОБЗОР ВЕДЕНИЯ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ В 1920-30-Е ГОДЫ.

*Иерей Александр Самуйлов
(Минск, Минская духовная академия)*

События 1917 года, как известно, кардинально изменили не только политическое устройство государства, но и саму идеологию, на которой строилось это государство. Всякое проявление религиозности, и в первую очередь Православия – как веры царской России – было неприемлемо для новой власти, религией которой стал атеизм.

В Православной Церкви эта новая власть видела, прежде всего, основного противника своей идеологии, понимая, что двум противоположным мировоззрениям невозможно сосуществовать в одном государстве. «Устами религии шепчет классовый враг» [6, с. 21.] – эта фраза ответственного секретаря ЦС СВБ БССР Долгополова хорошо отображает то, что, прежде всего, видела коммунистическая партия в религии – оружие «классового врага коммунизма». Поэтому одной из основных и первостепенных идей строительства коммунизма было уничтожение религиозности и Церкви, как ее носительницы.

С первых же дней новая власть приступила к реализации своих планов. Она выпустила ряд декретов и законов, которые в той или иной мере касались Церкви – декреты о земле, об образовании лишали Церковь земельных наделов, зданий, церковно-приходских школ. Православная Церковь в Российской империи касалась всех сторон общественной жизни людей – вела регистрацию браков, учет рождаемости, смертности, образовательный и воспитательный процесс, больницы, приюты и многое другое. Более того, сам быт и личная жизнь граждан была наполнена религиозными обрядами.

Наполнить жизнь новой религией и новыми идеалами возможно было только совершенно искоренив старую. Для достижения этой цели советская власть использовала как законодательство, так и метод широкой антирелигиозной пропаганды и агитации.

Одной из точек соприкосновения человека и религии были те

праздники, которые твердо вошли в быт людей – Пасха, Рождество, Крещение и другие. Понимая это, власть боролась с религиозными праздниками несколькими способами.

С одной стороны, все подобные праздники запрещались, резко критиковались и высмеивались как проявления отсталости и непро-свещенности. С другой стороны, с целью антирелигиозной пропаганды проводился ряд антипраздничных мер и кампаний.

Например, в отчете ответственного секретаря ЦС СВБ БССР Долгополова год о проведении антипасхальной кампании за 1933 говорится о том, что в колхозах Минского района в ночь на Пасху была организована посевная безбожного гектара, а в сам день Пасхи люди вынуждены были идти на хозработы, при чем отмечается, что «колхозники выходили в поле на работу, а дома готовили куличи, мацу и т.п.». [12, с. 6.]

Накануне праздников массово рассылались циркуляры, директивы и материалы по организации антирелигиозных кампаний. Выпускались настенные газеты, рассылались библиотечки, указывалось, как проводить антирелигиозные вечера, семинары, антирождественские карнавалы и безбожные чаепития на Пасху. [12, с. 5.]

Основным лозунгом антирелигиозной кампании 1933 года выступает фраза «Против Пасхи за большевистский сев». Печать вешала о классовой сущности этого праздника. Период между Пасхой, выпавшей в 1933 году на 16 апреля и днем трудящихся, 1 мая, использовался для антипасхальной кампании – Пасха объявлялась праздником классового врага и как противовес ей предлагался праздник трудящихся – 1 мая.

На предприятиях, в колхозах, школах, в воинских частях проводилась массовая разъяснительная работа.

Например, жены рабочих города Минска устраивали «безбожную чашку чая» с докладами о классовой сущности Пасхи, где давали обещание не выпекать пасхальных куличей и не красить пасхальных яиц. [12, с. 6.]

В школах устраивались демонстрации с участием родителей и учащихся, с антирелигиозными лозунгами и духовым оркестром.

На практике, однако, эти тщательно спланированные мероприятия, имея всестороннюю государственную поддержку, рушились благодаря вере простых людей. Так, например, в отчете секретаря СВБ БССР Ткачева о проведении антипасхального собрания говорится, что «в деревне Кольпо, недалеко от Турова, возле часовни повесили найденный где-то сломанный колокол и начали звонить по-церковному. Большая часть антипасхального собрания покинула его и пошла молиться в часовню». Также «в Великую Субботу после собрания были организованы танцы, но большая часть молодежи не приняла в этом участия». [14, с. 68.]

Вот отрывок из докладной записки начальника ИРО ГПУ Белоруссии

Емеца о праздновании 1 мая, совпавшего с православной Пасхой 1 мая 1926, который хорошо отображает результаты ведения антирелигиозной пропаганды в 1920-е годы в Беларуси. «Наблюдается довольно значительная посещаемость церквей на Пасху, причем преимущественно преобладают обыватели, мещане, рабочие, крестьяне всех возрастов и незначительное наличие интеллигенции. Обращает на себя внимание наличие в церквях довольно значительного числа красноармейцев. Со стороны духовенства антисоветских выступлений не наблюдалось. Отмечается выступление в Церкви глухонемых попа с проповедью, довольно умело и характерно затрагивающей и оттеняющей бытовые стороны теперешней жизни и противоречия среди верующих и неверующих.

С 1 на 2 мая в церкви было много народу, были слышны разговоры: «Пусть все дома превратят в клубы, все равно никто не пойдет в клуб, а в церковь», «Вот народу, что и в церкви места нет».

В Переспенской церкви под 2 мая сначала было небольшое количество народу, в большинстве стариков из окружающего населения — около 70–80 человек. Позже число это увеличилось, пришла молодежь и подростки. Кроме того, было 34 чел. военнослужащих.

Участники первомайской демонстрации вечером, несмотря на усталость, повалили в собор на пасхальную заутреню. В соборе бросалось в глаза присутствие большого количества красноармейцев, стояли, например, сразу человек 30 рядами, как будто при царском режиме пришли под командой молиться. Вообще по собору везде виднелись группы и группки красноармейцев. Отмечается следующий факт: двое красноармейцев завели какой-то разговор, и их сейчас же оборвал стоящий сзади 3-й красноармеец, сказал им: «Если вы будете вести здесь клубные разговоры, то я вас выведу». Красноармейцы разговор прекратили. К концу народа собралось как сельдей в бочку. Были случаи обморока женщин. Публика была всех возрастов: и старых, и молодых, и подростков, как мужчин, так и женщин.

В Минской Александро-Невской церкви народу молящегося было очень много, но преимущественно простого класса, интеллигенции было заметно очень мало.

В Церкви глухонемых к моменту выхода вокруг церкви впереди шествия двинулись 10 маленьких детей, неся в руках иконы и хоругви, а за ними уже взрослые». [1, л. 147-148.]

Примечательно, что проповедь священномученика Владимира Хираско приводится в указанном докладе целиком, что свидетельствует об особом внимании идеологов к словам и действиям священнослужителей, и особенно к тем из них, которые пользовались любовью паствы. «К попу Хераско ходят больше, чем к другим, благодаря тому, что он привлекает своими проповедями», – заключает свой отчет секретарь СВБ. [1, л. 147-148.]

Следует также отметить, что если сразу пропаганда велась с упором на внешнюю сторону жизни – грубо закрывались храмы, кощунственно вскрывались мощи святых, часто силой изымались иконы и церковная утварь, то к середине 30-х годов антирелигиозная пропаганда уже более старается влиять на убеждения и мировоззрение людей.

Интересно, что в одной из резолюций о проведении антирелигиозной пропаганды в БССР секретариат ЦК КП(б)Б постановляет «организовывать новый быт и устройство для этого соответствующих подсобных предприятий: детплощадок, яслей, общественного питания, прачечных и т.п.». [17, с. 13] Все эти меры призваны были облегчить проведение антирелигиозной работы с каждым членом семьи отдельно, к тому же сокращали совместное общение внутри семьи до минимума. Кроме того, в директивах и рекомендациях орготделам и ячейкам СВБ постоянно подчеркивается роль женщин в антирелигиозной пропаганде, как более подверженных влиянию.

Понимая, что изменить сознание взрослых граждан, воспитанных в семьях с дореволюционным укладом, будет крайне трудно, советские идеологи делают основной упор на антирелигиозное воспитание детей. Как утверждал глава СВБ Ярославский: «Без детей мы разрушить религию не сможем, даже если уничтожим основы, на которых зиждется религия». [6, с. 23.]

Что касается школы, то целью нового правительства было не просто убрать религиозное воспитание из всех образовательных учреждений и детских домов, а вырастить новых проповедников нужной идеологии. Следует не только «защищать детей от религиозного влияния и вытравливать религиозные забавоны, но и переделать из воспитанника детского дома, ученика школы беспощадного борца с религией и тем самым воспитать кадры будущих активных безбожников – строителей социализма», – говорилось в одном из постановлений партийных органов по антирелигиозной работе. [15, с. 12.] По мнению идеологов, ученики обязаны были «вместе с углубленной антирелигиозной работой в школе... и вне стен школы сами вести борьбу против религиозных традиций среди населения». [15, с. 12.]

С этой целью в школах организовывались кружки ЮВБ, антирелигиозную работу предписывалось проводить как в урочное, так и во внеурочное время. Результаты этой работы практически целиком зависели от уровня подготовленности проводивших ее людей и были по местам как положительными, так и отрицательными.

Как пример образцовой постановки антирелигиозной пропаганды в можно привести избу-читальню Перебродского сельсовета Миорского района, в результате работы которой отмечался отход молодежи от церкви. По словам секретаря Вилейского обкома КП(б)Б Климова в отчете о

проведении антирелигиозной работы, «если раньше в церковном хоре участвовало 30 чел. молодежи, то сейчас осталось всего 3. Вся молодежь организована вокруг избы-читальни, принимает активное участие в работе кружков художественной самодеятельности, которые систематически дают постановки и выступления в клубе, в избе-читальне, а также делают выезды в колхозы и крупные населенные пункты сельсовета... А в рождественские дни во время богослужения в церкви, в избе-читальне был организован антирелигиозный вечер. Все старики вместе с молодежью пошли в избы-читальню, в церковь никто не пошел. Священник вынужден был закрыть церковь и сам также явился на антирелигиозный вечер». [8, л. 26-44]

Но все-таки чаще в отчетах отмечалось неудовлетворительное состояние ведения антирелигиозной работы. Главным образом, это было связано с плохой подготовкой кадров для ведения пропаганды, а часто и с простым формализмом или попросту бездействием. Воспитанные еще в царской России учителя с трудом шли на агитацию атеизма в школах. Созданные СВБ ячейки быстро распались, часто работа ограничивалась антипраздничными мероприятиями, бывали и примеры откровенной некомпетентности сотрудников.

Например, в отчете по командировке в Витебский район инструктор ЦС СВБ БССР Долгополов недоволен деятельностью главы местсовета Манюка, который взял с церковного совета Яновичской церкви взнос в 250 рублей в пользу комсомола, что даже самим инструктором расценивается как «политический ляпсус». [11, с. 14]

А в отчете инструктора ЦС СВБ Бондарева отмечается крайне неудовлетворительная работа оргбюро СВБ, в результате чего «выбыла большая часть его членов, а оставшиеся бездействовали». Кроме того, далее отмечается, что «в школах ученики ходят с крестиками на груди... а родители водят детей к исповеди». [10, с. 19.]

В газете «Коммунар Заславщины» в статье «за мест культурной працы – калядныя святы» написано о главе избы-читальни Григории Савике, который вместо антирелигиозного вечера накануне праздника Рождества Христова «устроил пьянку». [8, с. 35] Из того факта, что такие случаи не замалчивались, а отправлялись в широкую печать следует вывод, что такие вечера производили эффект обратный ожидаемому.

Следует отметить, что только сейчас, спустя годы мы можем видеть реальные результаты той пропаганды, которая проводилась советской властью против религии вообще и Православной Церкви в частности.

Например, в октябре 2016 года в храме Собора белорусских святых г. Заславля Минского района приняла Крещение раба Божия Раиса 1930 года рождения. [3] Ее родители, Шарейко Петр Андреевич и Екатерина Яковлевна, были видными и активными деятелями коммунистической

партии Беларуси, что видно уже из того, какие имена они давали своим детям: Ким и Ромуальда. Из этого следует, что даже если антирелигиозная пропаганда и достигала своих результатов, то в большинстве случаев они были краткосрочны, и человек рано или поздно находил свой путь к Богу, как в вышеуказанном случае, когда женщина покрестилась в возрасте 86 лет.

В итоге следует упомянуть, что по результатам всесоюзной переписи 1937 года верующими себя считали 57 % населения советского государства. [2] Эти данные настолько поразили советское руководство, что организаторы переписи подверглись репрессиям, а в новой переписи 1939 года вопрос о вероисповедании был исключен.

И сейчас, в наше время тот факт, что вера в народе оживала при каждом потеплении в отношениях с государством, говорит о том, что та активная антирелигиозная пропаганда 1920-30-х годов, не смогла совершенно искоренить веру в Бога и религиозность в людях.

Что же касается проявления внешней церковной жизни и религиозности, то следует признать, что она практически утонула, поскольку советская власть, проникая во все сферы жизни человека, пыталась не допустить даже возможности этого проявления. На фоне слабой, не подкрепленной разумом и внутренним побуждением веры простого народа, подорванной философскими идеями 19 века, захватившими умы российской интеллигенции, и массы священнослужителей, репрессированных в годы гонений, перед Церковью стояла почти непосильная задача – укреплять веру в людях в условиях постоянного давления и сопротивления. Безбожие же, неверие, отрицание учения Церкви влекло за собой нравственное падение и распущенность народа.

Вот как описывает состояние паствы председатель Могилевского епархиального управления протоиерей Шимкевич на епархиальном съезде духовенства в г. Орша не позднее 1934 года: «Атеизм практически и теоретически глубоко проник в среду простого народа, растет быстро, развивается молниеносно. Крепнет поразительно, овладевает все большим и большим числом людей, проникает всюду. Перед церковными деятелями встает вопрос: Как быть дальше? Как уберечь народ от разлагающего яда безверия и религиозной распущенности?» [9, с. 2]

Эта распущенность доходила до того, что даже люди, называвшие себя верующими, в церкви позволяли себе прилюдное оскорбление. Например, священник Иоанн Богданов Гоголевской церкви Мстиславского благочиния в своем прошении на имя преосвященнейшего Владимира, митрополита Могилевского просит «разрешить сделать списки лицам верующих, которые имели бы право обращаться к священнику за духовными потребностями» по причине того, что «многие из тех, кто не бывает много

лет у исповеди и причастия...являются на церковный сход и оскорбляют религиозных». [16, с. 3]

В целом, это глубокое и успешное всестороннее проникновение атеизма в среду простого народа, его молниеносное развитие, о котором говорит вышеупомянутый докладчик, во многом стало возможным в виду того, что антирелигиозная пропаганда всю свою работу строила с позиции науки. Антирелигиозные диспуты, широкая печать, безбожные собрания, кружки – практически вся работа против Церкви в частности и против религии в целом велась от имени науки. Причем часто как в диспутах, так и в печати религиозные догматы, Священное Писание толковалось людьми далекими от науки. «Везде ссылаются на науку, даже и те, уста которых лишь краями своими касались кубка науки. Все развитие науки, [идушей семимильными шагами в последнее время] как бы говорит об отсутствии Бога. Верующий, какой бы осмысленностью ни отличалась его вера теперь у нас на всех перекрестках обзывается ретроградом, врагом науки и просвещения. Из всех аргументов, которыми теперь стараются поколебать религиозные верования, - пишет Ан. Лантуран в труде «Наука апологетика», - нет ни одного, чей кредит был бы лучше обеспечен, чем утверждение во имя науки». [16, с. 3.]

Как яркий пример такой некомпетентной в научном контексте, но эффективной в контексте пропаганды статьи, можно привести широко растиражированную в 1927 году статью «Рождество богов». Ее автор критикует события Рождества Христова, но с точки зрения научных фактов его критика несостоятельна, так как представляет собой лишь ряд личных домыслов и предположений, основная цель которых поколебать веру во Христа как Спасителя и Сына Божия. Церковь подробно разбирает и опровергает ошибки автора, но не имеет возможности донести этот ответ до широких масс. Все, что читают люди – это статья «рождество богов», ответа Церкви никто не видит, кроме узких церковных кругов. [8] Однако ответ Церкви широко могут использовать впоследствии пастыри в своих проповедях и антирождественских диспутах.

С начала 1920-х годов в антирелигиозной работе получают широкое распространение антирелигиозные диспуты.

К примеру, известно, что в 1922 году в Минске с тремя публичными диспутами выступил известный обновленец А. Введенский. На диспуте «Есть ли Бог?» в защиту верующих выступил также известный протоиерей Стефан Кульчицкий. Оппонентами были два профессора-безбожника Вольфсон и Никольский. [4, с. 58.]

Часто безбожники сами становились инициаторами проведения такого рода диспутов, темы которых могли быть как запланированы заранее, так и объявлены непосредственно в ходе проведения. Также и священники

отмечали в рапортах епархиальным архиереям о необходимости проведения подобных диспутов по местам, указывая их важность в деле отстаивания истин христианской веры среди своей паствы, уходящей в неверие.

Например, сохранился рапорт в Белорусский Священный Синод священника церкви в д. Кисели, недалеко от Ляденского монастыря, в котором он отмечает: «Со своей стороны в наших краях диспут необходим и при том более в пользу укрепления веры и для нас, священников, он явится школой». [7, с. 2-3] Более того, далее обращается к Синоду с просьбой прислать миссионера для проведения такого диспута. [7, с. 2-3]

В то время как антирелигиозные кампании, касавшиеся религиозных праздников, обрядов и т.п. ставили перед собой цель искоренить всякое проявление внешней религиозности, именем науки отвергались основные догматы Церкви и главная истина – существование Бога.

Таким образом, в 1920-30-е годы перед Православной церковью в Советской Белоруссии стояла сложная задача – не имея возможности быть услышанными широкими массами населения, суметь защитить и сохранить веру пасомых.

Как нельзя лучше эту мысль выразил вышеупомянутый председатель Могилевского епархиального управления протоиерей Шимкевич на епархиальном съезде духовенства в г. Орша, проходившем не позднее 1934 года: «Когда человечество умственно сильно развилось, когда у нас всюду кричат о критике и самокритике, невозможно допустить мысли, чтобы народ с прежней наивностью и детской простотой и доверчивостью относился к вопросам веры и жизни. И перед церковными деятелями стоит грандиозная задача – в дни безбожия высоко поставить знамя веры, показать, что вера теперь – живой светоч, способный удовлетворить умы и сердца, доказать, что вера заключает в себе и самую разумную программу для упорядочения жизни. И эта задача должна быть разрешена двумя путями: отрицательным – указанием внутренних противоречий материализма и опирающегося на него атеизма – и положительным – раскрытием действенной силы христианства» [9, с. 2.].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад № 4 о праздновании 1 мая 1926 г. начальника ИРО ГПУ Белоруссии Емеца. – ГАМн. Ф. 12п. Оп. 1. Д. 266. Л.147—148. Машинопись. Заверенная копия.
2. Жиромская, В. Б., доктор исторических наук, Институт российской истории РАН. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) / В. Б. Жиромская. – «Исторический

- вестник», № 5 (1, 2000 г.). – [Электронный ресурс] – Адрес доступа: http://krotov.info/history/20/1930/1937_zher.htm. – Дата доступа: 12.12.2015.
3. Комлева Раиса (Ромуальда) Петровна. 26.01.1930 г.р. Запись под № 186 от 22 октября 2016 года в книге учета Крещений, совершаемых в храме Собора святых земли Белорусской г. Заславля.
 4. Кривонос Феодор, священник. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917-1939 годы) / Священник Феодор Кривонос. – Мн.: МФЦП. – 2007. – 240 с.: ил.
 5. НАРБ – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. № 14. – С. 35.
 6. НАРБ, Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 1 – Л. 15. – Типографский экземпляр. – С. 21-23.
 7. НИАРБ. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 102. – С. 2-3.
 8. НИАРБ. – Ф. 2786. – Оп. 2. – Д. № 6. – Рукопись. Подлинник.
 9. НИАРБ. – Ф. 2786. – Оп. 2. – Д. № 8. – Рукопись. Подлинник. – С. 2.
 10. Отчет инструктора ЦС СВБ Бондарева Е. Б. о состоянии антирелигиозной работы и работы райсоветов СВБ по Сурожскому и Витебскому районам. – НАРБ. – Ф. 261. – Оп. 1. — Д. № 27. – С. 19.
 11. Отчет инструктора ЦС СВБ Долгополова о командировке в Сурожский и Витебский районы. – НАРБ. – Ф. 261. – Оп. 1. — Д. № 27. – С. 14
 12. Отчет ответственного секретаря ЦС СВБ БССР Долгополова об итогах Антипасхальной кампании в 1933 году. - НАРБ, Ф. 261. – Оп. 1. — Л. 28. – Типографский экземпляр. – С. 6.
 13. Отчет секретаря Вилейского обкома КП(б)Б Климова о проведении антирелигиозной работы. – ГАМн. – Ф. – 659 п. – Оп. 1. – Д. 439. – Л. 26—44. Машинопись. Подлинник
 14. Отчет секретаря ЦС СВБ БССР Ткачева об итогах Антипасхальной кампании в 1933 году. - НАРБ, Ф. 261. – Оп. 1. — Л. 10. – Типографский экземпляр. – С. 68.
 15. Постановление партийных органов об антирелигиозном воспитании в детских домах. Отв. секретарь ЦС СВБ БССР Долгополов. – НАРБ, Ф. 261. – Оп. 1. — Л. 28. – С. 12.
 16. Прощение председателя Гоголевского церковного совета священника Иоанна Богданова реосвященнейшему Владимиру, митрополиту Могилевскому. – НИАРБ. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 121. – С. 3.
 17. Резолюция ЦК КП(б)Б на доклад фракции ЦССБ Белоруссии о работе Союза безбожников Белоруссии. - НАРБ, Ф. 261. – Оп. 1. — Л. 1. – Машинопись. – С. 13.